

Т.А. СНИГИРЕВА

(Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия)

А.В. СНИГИРЕВ

(Уральская юридическая академия, г. Екатеринбург, Россия)

УДК 82.161.1(Акунин Б.)

ББК ШЗ3(2Рос=Рус)-8,4

ПСЕВДОНИМНОЕ РЕЧЕТВОРЧЕСТВО Б. АКУНИНА

Аннотация: В статье исследуются причины создания и специфика функционирования системы псевдонимов, созданных современным писателем Г. Чхартишвили, более известным как Б. Акунин. Главной стала проблема характера взаимоотношения коммерческой и творческой стратегий писателя, а также особенностей соотнесенности псевдонима и текста.

Ключевые слова: псевдоним, коммерческий успех, творческая состоятельность, автомаркетинг, автоидентификация.

Существует устойчивая версия того, как Г.Ш. Чхартишвили, зам. главного редактора «Иностранной литературы», филолог, японист, известный переводчик, автор литературно-критических и публицистических статей, стал автором популярных детективов. Его жена, собираясь на работу, завернула глянцевою книгу в газету. На вопрос мужа, зачем она это делает, ответила: «Не ловко в метро читать глянец с обнаженными дамами и кровавыми вампирами на обложке». Так возникло решение: «Я буду писать детективы, которые не будет стыдно читать в метро интеллигентной женщине». Именно под псевдонимом «Б. Акунин» Г. Чхартишвили стал успешным автором, предложив российскому читателю апеллирующий ко всей классической литературе ретродетектив с обаятельным героем в центре интриги.

Любопытно, что появление нового автора сопровождалось конспирологическим сюжетом: весьма продолжительное время в ситуации мобильности книжного рынка и скорости передачи информации истинное лицо и биография были скрыты за псевдонимом. Авторская и издательская детективная игра с читателем была усилена в конце «нулевых», когда на книжном рынке

появились еще два автора: «А. Брусникин» и «А. Борисова», анаграммы которых и качество письма не могли не вызвать определенные догадки, но истинное имя вновь долгое время не подтверждалось. В разгар разгадки «тайны имени», подогревая интригу, при выходе «Девятого Спаса» А. Брусникина, Б. Акунин иронизировал: «Послушайте, меня с этим «Спасом» уже, что называется, достали. Я – Б. А., он – А. Б., следовательно, он – это я... Ну хорошо, я это, я! Александр Блок и Агния Барто – тоже я!» [Акунин, URL].

Параллельно с этими конспирологическими псевдонимными сюжетами Г. Чхартишвили под привычным читателю именем ведет блог «Любовь к истории», в котором грань между Чхартишвили-филологом и Акуниным-детективщиком фактически стирается, а также публикует произведения под двойным авторством (Г. Чхартишвили, Б. Акунин) или сдвоенной фамилией (Чхартишвили-Акунин). И тем самым создает еще один новый псевдоним (подобно Салтыкову-Щедрину, Мамину-Сибиряку и т.д.).

Первый и особенно последующие псевдонимы вызвали сильное волнение в среде критики, склонной ныне почти все стратегические и тактические ходы писателя объяснять коммерческими или политическими причинами. Авторы рецензий буквально «повелись» на игру, навязанную им автором. Лев Данилкин в реплике «Пляска головой и ногами» задается вопросом, ответ на который весьма продолжительное время не разглашался издательством и ответ на который будут искать и журналисты, и профессиональные критики и многочисленные блогеры: «кто такой Анатолий Брусникин (подлинная ли это фамилия – или псевдоним, настоящий человек – или то, что называется омерзительным словом “проект”)?» [Данилкин 2007: 5].

Екатерина Кронгауз проводит оригинальное «литературное исследование» «Брусникин, Акунин, другой?», построенное на телефонном интервью с человеком, назвавшимся А. Брусникиным. После череды косвенных вопросов («И все же я буду исходить из того, что это псевдоним. Почему вы не стали публиковать роман под своим именем?», «Говорящий ли это псевдоним? И если говорящий, то о чем? Многие ищут здесь анаграммы и сходство инициалов – имеет ли это отношение к действительности?», «Почему стало так модно в последнее время писать под

псевдонимом и вообще создавать виртуальные личности?», «Псевдоним – это ваша личная была идея или идея издательства? Планируете ли вы раскрывать псевдоним?») респондент уклонялся от ответа, а на вопрос: «Вы – Акунин, Бушков, другое? – с акунинской интертекстуальной иронией отвечает: «Я другой, еще неведомый изгнанник» [Кронгауз, URL].

В заметке «Таинственный незнакомец» А. Наринская даже досадует, что автор «Девятого Спаса» скорее всего – все же Акунин, поскольку это свидетельствует о том, что в современной России мало писателей, способных создать добротный, крепкий исторический приключенческий роман: «Да и вообще было бы слишком оптимистичным предполагать, что у нас в изобилии имеются авторы, владеющие искусством развивать интригу и вписывать ее в историческое “костюмное” время так искусно, как это делает автор “Девятого Спаса”. К тому же “рекламное” акунинское изречение (“Лучше, чем у Брусникина, у меня вряд ли получится”) представляет собой шараду вполне акунинского толка» [Наринская 2007: 72]. Откровенная псевдонимность имени А. Брусникина, позволила одному из журналистов скаламбурить, назвав первый роман, подписанный новым псевдонимом, «Брусничный Спас», что подчеркивает возможности развертывания ироничного смыслового ряда, заложенного в псевдониме: брусника – ягода-брусника – (ягода-малина) – клюква – развесистая клюва и т.д.

Ныне, при раскрытии подлинного имени, становится очевидной отнюдь не спонтанная, но жестко выверенная стратегия писательского псевдонимного речетворчества, в результате которой была выстроена сложная, но обусловленная типом соотношения «автор – текст» система: **Б. Акунин**. Новый детектив (приключения Эраста Фандорина). Провинциальный детектив (приключения сестры Пелагии). Приключения магистра (в цикле действуют потомки и предки Эраста Фандорина). Жанры (в цикле действуют потомки и предки Эраста Фандорина). Сборник «Сказки для идиотов». Пьесы «Чайка» «Комедия/Трагедия», «Инь и Ян (1882)» Книги «Фото как хокку» (в соавторстве с читателями ЖЖ Акунина), «Любовь к истории». История государства Российского. Огненный перст. **Борис Акунин, Григорий**

Чхартишвили. Кладбищенские истории. **Акунин-Чхартишвили.** Аристомомия. **Григорий Чхартишвили:** Писатель и самоубийство. **Анатолий Брусникин:** Девятный Спас. Герой иного времени. Беллона. **Анна Борисова.** Креативщик. Там. *Vremena goda.* **Григорий Чхартишвили.** Писатель и самоубийство.

Размышляя над множественностью псевдонимов Стендаля, Ж. Старобинский замечает: «Когда кто-нибудь надевает маску или прячется под псевдонимом, мы чувствуем в этом вызов. Человек ускользает от нас. В ответ мы пытаемся *узнать* (выделено автором – Т.С., А.С.), кого же скрывает маска, стремимся разоблачить его (...). Нас интересует, что означает избранный им новый облик, на что направлены совершаемые под прикрытием маски действия, какого персонажа он сейчас изображает, скрадывая того, кто хотел исчезнуть» [Старобинский 2002: 395]. Надо отдать должное Б. Акунину, который неоднократно подсказывал и даже объяснял читателю причины своего псевдонимного речетворчества. Например, в его ЖЖ читаем: «Маска “Борис Акунин” приросла ко мне слишком плотно. Увидев на обложке эту фамилию, читатель уже ждал рифмы “розы” – то есть чего-нибудь детективного, остросюжетного, в меру познавательного, неизменно игрового. А если я пробовал свернуть немного в сторону и поменять правила игры, читатель возмущался и начинал говорить, что я его обманул: обещал развлекать и гладить, а вместо этого расстроил и ушипнул. Читатель, как покупатель, всегда прав. Поэтому я сделал правильные оргвыводы. Решил, что если я хочу писать как-то уж совсем не по-акунински, то и назовусь другим именем» [Акунин, URL].

В интервью «Григорий Дашевский – Григорий Чхартишвили: новое имя тождественно обновлению сути» Б. Акунин называет, по крайней мере, три причины, почему он решился на псевдонимы: «Нежелание попасть в дурацкую ситуацию – вот что было главным» (в случае с первым псевдонимом); «В моем случае это мне нужно еще и для того, чтобы обозначить перед читателем правила игры. Если текст подписан фамилией Акунин, ждите развлечения. Если фамилией Чхартишвили – это уже не беллетристика, так что не взыщите за занудство» [Интервью 2007: 11]. Но главной, думается, остается третья причина, связанная с

многовекторностью движения писателя, его постоянным стремлением не наскучить ни читателю, ни главное – себе: «новое имя тождественно обновлению сути».

Итак, псевдоним возникает там и тогда, где и когда меняется ракурс и оптика письма. И Акунин в этом смысле идет на «обнажение приема» перед читателем, не уставая подчеркивать: другой псевдоним – иная писательская стратегия (круг проблем) и иная художественная тактика (стиль). В аннотации книги «Кладбищенские истории», как свидетельствует титул – два автора: Борис Акунин, Григорий Чхартишвили, и два предуведомления (впрочем, кажется, написанные одной рукой). Традиционная издательская аннотация: «Книга “Кладбищенские истории” представляет собой плод коллективного творчества, равноправного соавторства двух писателей – реального и выдуманного. Документальное эссе, автором которого следует считать Григория Чхартишвили, посвящены шести самым знаменитым некрополям мира. Эти очерки чередуются с беллетристическими детективными новеллами, написанных “рукой” Бориса Акунина, действие которых происходит на тех же кладбищах. Читателю предлагается увлекательная игра, затеянная “доктором Джекиллом и мистером Хайдом” современной русской литературы» [Акунин, Чхартишвили 2009:3]. Авторское Разъяснение: «Я писал эту книгу долго, по одному-два кусочка в год. (...) Дорога эта оказалась длиной в целых пять лет. (...) За это время многое изменилось, “и сам, подвластный общему закону, переменялся я” – раздвоился на резонера Григория Чхартишвили и массовика-затейника Бориса Акунина, так что книжку уже дописывали вдвоем: первый занимался эссеистическими фрагментами, второй беллетристическими» [Акунин, Чхартишвили 2009: 5].

Г. Тульчинский в статье «Жизнь как проект», исследуя причины актуализации в современном мире тяги к изменению имени, приходит к выводу: «Если у человека ничего не выходит из социализации в группе и он при этом не удовлетворен своим статусом и нуждается в роли, он делается ... самозванцем (...), который умеет жить в мире, в котором гибкая, развивающаяся личность отзывается на развивающуюся же ситуацию, извлекая пользу из нее» [Тульчинский 2012: 159]. В контексте данной

концепции псевдонимная игра Б.Акунина может быть рассмотрена как пример персонмаркетинга, в рамках которого удачно соединяются как внутренне-психологические установки творческой личности, так читательские ожидания.

Беря первый и до сих пор главный псевдоним для авторства детективов, «которые не стыдно будет читать в метро», Г. Чхартишвили «попал в десятку», «убил несколько зайцев», и в этом смысле «Б. Акунин» – первая художественно оформленная прозаическая строка (именно строка), таящая возможность нескольких разворачивающихся смыслов. Во-первых, выходить в российское детективное пространство в конце 90-х годов прошлого века с фамилией явно грузинского происхождения значило обречь себя на почти несомненную неудачу. Во-вторых, прочитанный и произнесенный слитно псевдоним – «Бакунин» – является явным отсылком к непростоте российской истории. В-третьих, расшифровка Акунина (с японского – злой человек) – стартовая позиция игры с искушенным читателем. В-четвертых, появление первого псевдонима (повторим, довольно приличное время сохранялась тайна авторской личности, породившей множество версий – от издательского проекта до существования группы «литературных негров») – начало конспирологического сюжета, атмосферы тайны и системы «угадаек», настойчиво и последовательно поддерживаемых автором и в творческом поведении, и в текстах без малого вот уже двадцать лет. Таким образом, беря первый псевдоним, Чхартишвили начинает (сознательно / бессознательно) создавать бренд, который в современном понимании определяется как «обещание реализации желаемых переживаний, волшебная история о магическом артефакте...» [Тулчинский 2012: 161].

Разработка письма под двумя новыми псевдонимами – «А. Брусникин» и «А. Борисова» произошла в конце нулевых и объяснялась писателем комплексом причин: усталость от Фандорина, необходимость выхода из некоего творческого кризиса, издательским экспериментом, который показался Б. Акунину любопытным и т.д. И все же вопрос о том, зачем автору успешного литературного проекта еще две литературные маски, вызвавший бурное обсуждение, так и остался открытым. Этот ответ лежит не только в плоскости коммерческой или личной био-

графии писателя, но находится скорее в сфере творчества. При этом креативщик вновь сумел, играя с читателем, не заиграться, но переиграть. По поводу появления А. Брусникина объясняясь в ЖЖ с читателем, Акунин замечает: «Давно тянуло написать просто исторический роман, без детективной интриги (...) решил, что будет интересно взглянуть на историю России с непривычной для меня стороны. Сам я (и Акунин тоже) по образу мыслей – западник и даже космополит. Но мне хотелось попробовать на зуб и противоположное мировидение – «почвенное», славянофильское. Однако главный интерес ягоды-брусники и основная интрига заключались в издательско-торговом эксперименте» [Акунин, URL].

Съязвив по поводу выбранного псевдонима («Анатолий Брусникин – почти анаграмма Бориса Акунина, да и сам псевдоним, учитывая болотное соседство клюквы и брусники, носит игровой характер»), А. Латынина высоко оценивает «Девятный Спас»: «Роман развлекательный, но не пустой и не глупый, а веселый и стильный и, как многие акунинские вещи, содержит несколько слоев смысла. Читателя искушенного будет забавлять постмодернистская игра с фольклором, историей и литературой. Читателя простодушного увлекут приключения. Но жанр выдержан стильно и весело. Со временем роман, думаю, уйдет в детское чтение, как “Остров сокровищ” Стивенсона или как “Три мушкетера” А. Дюма, вовсе не для детей написанные. Но это – лучшая участь, которую могут ожидать жанровые книги. Их либо забывают, либо переставляют на детскую книжную полку, и это уже надолго» [Латынина 2012: 188].

В. Курицын с опорой на второй роман, вышедший под псевдонимом «А. Брусникин» («Герой иного времени»), тоже не удержавшись от того, чтобы отбить кинутый автором мяч – брусника – клюква – «развесистая клюва», замечает: «”Спаса” я не читал, но “Герой” точно написан хорошо знакомой рукой. Хозяин копирайта указан как А.О. Brusnikin. Возможно, и впрямь некоторое “АО”, то есть соавторство, хотя интонации сильно совпадают, скорее, маэстро сочинял соло» [Курицын В. В круге надцатом // Однако. 2010. № 15 (31)]. Столь же пронизателен критик в констатации авторском тиражировании псевдонимов как сигнале производства разных текстовых комплек-

сов: «Акунин – проект Чхартишвили, а Брусникин – проект Акунина, проект проекта, так что...» [Курицын 2010: 49].

Когда тайна псевдонима «А. Брусникин» была раскрыта и автором, и издательством, его «славянофильская» точка зрения спровоцировала Р. Арбитмана на жесткую рецензию, но с очень точным «акунинским» названием – «Странная история мистера А. и сударя Б»: «Нельзя не подивиться такому плюрализму в одной писательской голове. Одно полушарие за свободу, другое против (...) и пока западник Акунин в своих пламенных речах отстаивает идеалы свободы, в романе почвенника Брусникина (...) читателю прозрачно намекают на другое: мол, те “свободы” проплачены подлым Западом и выгодны Западу же. Все это определенно выходит за рамки литературной игры или чисто коммерческого проекта и более всего смахивает на клиническую историю, описанную Робертом Лысом Стивенсоном. Кстати, в наших условиях данный феномен опасен для жизни. Когда Джекилл-Акунин идет на Болотную, а Хайд-Брусникин лезет на Поклонную, Григория Чхартишвили может просто разорвать пополам». [Арбитман 2012: 14]. К сожалению, автор рецензии не обращает внимания на то, что одновременно с псевдонимом «А. Брусникин» (Чхартишвили никогда не мыслит оппозициями) появляется «третий элемент», третий псевдоним: «Анна Борисова». Самим писателем появление женского псевдонима, нарочито простого, в русле общепринятых псевдонимов жанра женского детектива (Дарья Донцова, Татьяна Устинова, Полина Дашкова, Татьяна Полякова и т.д.), объясняется двойственно. Первоначально – весьма просто: «Скучен тот писатель, которому не хотелось побыть писательницей». Более того, следуя примеру одного из самых успешных беллетристов современности Стивена Кинга, создавшего мифического автора Р. Бахмана для спорных и ранних произведений и придумавшего биографию своего «заместителя», Г. Чхартишвили контрапунктом прописал жизнь А. Борисовой: «Я представил себе образованную даму, которая вошла в возраст свободы, когда дети уже подросли, ум созрел, характер сформировался. У нее обеспеченный муж, то есть дама не обременена заботами о пропитании. Она берется за перо частично от скуки (как японские фрейлины эпохи Хэйан), а частично из-за того, что ей хочется поде-

литься с миром своими чувствами и мыслями, копившимися в течение долгих лет» [Акунин, URL]. Но далее решительно выходит за гендерный стереотип жанра, актуализируя внутренне содержание псевдонима: «Это не приключенческая и даже не коммерческая литература. С Анной Борисовой я не ставил перед собой задачу добиться большого рыночного успеха. Мне хотелось попробовать силы в беллетристике, которая очень близко подходит к рубежу, за которым уже начинается серьезная литература» [Акунин, URL]. Круг проблем, поставленных в романах, подписанных Анной Борисовой – смерть, жизнь, любовь, память, старость – созвучен скорее автору «Писатель и самоубийство», нежели создателю иных литературных проектов. Именно в этом концептуальном аспекте анонсируются романы Анны Борисовой, полностью исключая гендерную «подсветку». О романе «Креативщик»: Богатство сюжетов, стилей и авторских приемов, содержащихся в этом небольшом по объему произведении, хватило бы на несколько книг, причем разного жанра. Роман “Креативщик” обладает двумя редко сочетающимися качествами: он быстро прочитывается, но нескоро забывается. Есть у этого текста и еще необычное свойство. Трудно определить, то ли это серьезная литература, прикидывающаяся шуткой, то ли прямо наоборот» [Борисова 2009: 4]. О романе «Там...»: «Первый роман Анны Борисовой “Там...” – это литературная экскурсия на тот свет; художественное, но вместе с тем энциклопедически точное описание всех основных гипотез, верований и фантазий на тему «жизнь после жизни»» [Борисова 2009: 351].

Безусловно, романы А.Борисовой написаны черным (мужским), а не белым (женским) письмом. И все же женский псевдоним сказался не только на рецепции текста, но и на гендерный «расклад» его. Во-первых, непросто характер нарратива, в котором причудливо смешиваются гендерные роли. «Креативщик» написан от «я» странного существа, в ходе развития сюжета непонятным и неприятным образом превращающегося из глубокого старика в мальчика, который словно «подпитывается» от историй, рассказанных, точнее – угаданных и воспроизведенных им. Креативщика интересуют главным образом женские судьбы, а герой-мужчина, профессиональный историк-филолог является

наглядным, с высокой долей иронии и самоиронии (сразу же вспоминается основная специальность Г. Чхартишвили) примером «вечно бабьего в русской душе», особенно в душе российского интеллигента. Роман «Там...» построен как поток подчеркнуто мужских и подчеркнуто женских сознаний. Роман «*Vremena goda*» внешне полностью укладывается в женский нарратив (поток сознания глубокой старухи и молодой девушки), но его героини, женщины с мужским характером, которые по разным причинам вынуждены быть вне телесности. Вторых, романы, написанные мужской рукой, посвященные онтологическому узлу проблем, порой, как и книга «Писатель и самоубийство», носят откровенно сублимационный характер. Отсюда – повышенная эмоциональность, исповедальность, выход к табуированным темам, открытость и искренность на грани саморазоблачения, акцентированная сентиментальность, отказ от знания «истины в последней инстанции», готовность к прощению, т.е. те качества письма, которые могут быть восприняты как маркеры женскости (но, конечно, не дамскости). Именно женскому чутью и милосердию доверяет автор самые сокровенные и важные для него размышления. Во всяком случае, блог Б.Акунина свидетельствует о том, что роль женщины в истории цивилизации для него преимущественнее, нежели мужчины.

Среди написанного о псевдонимах Г. Чхартишвили обращает на себя внимание глубокое замечание А. Битова, который в одном из интервью явно разделяет Лицо и Маску (маски) современного писателя: «– А Акунин, делящий свои тексты вне фандоринской серии между прошлым и настоящим? – Ничего не читал. Когда он Чхартишвили, я понимаю, что это интеллигентный человек, хороший “японец” и хороший филолог. Я понял один трюк, который он сделал безусловно мудро, – он перенес действие своих детективов, когда этот жанр родился в Англии. Мы, в России, опаздываем по жанрам. Таким образом Акунин достиг в своих книгах большей свободы и большей правды жанра. Но получается, что Акунин *тогда* и должен был возникнуть – во времена Конан Дойля» [Битов, URL]. Продолжая мысль А. Битова в аспекте творческой игры, ведущейся Чхартишвили, можно с уверенностью сказать: каждый его псевдоним «опрокинут» в то или иное литературное время, время жанра или ху-

дожественное время текста.

Анаграмматически мультиплицируя ключевое буквосочетание, Г. Чхартишвили «отдает» А. Брусникину приключенческие романы и повести, продолжающие традиции стилизации фольклора и литературы XIX века. Перу А. Борисовой принадлежит проза, описывающая современность. Так, например, завязкой романа «Там...» является теракт в аэропорту, совершенный исламистом-смертником. Характерная для Г. Чхартишвили склонность к продуманной систематизации проявилась и в том, что свою настоящую фамилию автор изначально отдал «серьезному творчеству» и последовательно продолжает уточнять систему имен, разделяя Б. Акунина как беллетриста и Г.Ш. Чхартишвили как писателя – автора серьезной литературы. Закреплено это, прежде всего, в романе «Аристонмия», где на обложке значится Акунин-Чхартишвили, о причинах неудачи которого справедливо пишет М.А. Черняк: «Возможно, уязвимость романа “Аристонмия” кроется в специфике “двойного перевода” текстов массовой культуры на язык элитарной и обратно, в результате которого культурная семантика претерпевает заметные и необратимые метаморфозы. Двойное авторство на обложке неизбежно рождает внутренний конфликт между “соавторами”, сигнализируя о финале и, возможно, новом витке столько заметного литературного проекта в истории новейшей литературе» [Черняк 2012: 93].

Согласимся: в романе «Аристонмия» писатель Г. Чхартишвили не смог договориться с беллетристом Б. Акуниным. Симптоматично и то, что найденный в «Кладбищенских историях» принцип псевдонимной игры «правой и левой рукой пианиста», т.е. писателя и беллетриста не нашел продолжения там, где он был ожидаем, но был реализован в тексте, подписанном новым псевдонимом. А именно: «История Российского государства» и в своей документально-очерковой и художественной части (первый том сопровождают три повести) написана «только» Б.Акуниным, а роман «Там...» А. Борисовой в своей концепции получения «по вере своей» (в буквальном смысле все герои попадают в тот загробный мир, в который верили) полностью совпадает не только с беллетристической частью «Кладбищенских историй», выполненной в жанре черного юмора Б. Акуниным, но и документально-эссеистическими травелогами Г. Чхар-

тишвили.

Так возникают вопросы, требующие дальнейших размышлений: «А. Борисова» – проект Акунина или Чхартишвили. Чей проект роман «Аристонмия», на титуле которого значится Чхартишвили-Акунин? И всегда ли удачна псевдонимная игра исследуемого автора? В любом случае – интенсивность псевдонимного речетворчества Г. Чхартишвили/Б. Акунина является бесспорным знаком интеллектуально-личностной интриги автора, в которой все проблемнее и значительнее встает вопрос не столько об автомаркетинге автора, сколько о его писательской автоидентификации.

ЛИТЕРАТУРА

Акунин Б. Любовь к истории. Блог Бориса Акунина // URL:<http://borisakunin.livejournal.com>

Акунин Б., Чхартишвили Г. Кладбищенские истории. – М., 2009.

Арбитман Р. Странная история мистера А. и сударя Б // Профиль. – 2012. № 756.

Битов А. Каждый день можно обработать как роман... Интервью // URL:<http://www.chsfg.ru>

Борисова А. Креативщик. – М., 2009.

Данилкин Л. Пляска головой и ногами // Афиша от 15 ноябр. 2007.

Интервью «Григорий Дашевский – Григорий Чхартишвили: новое имя тождественно обновлению сути» // Weekend от 21.12.2007.

Кронгауз Е. Брусникин, Акунин, другой? // URL: <http://os.colta.ru/literature/names/details/951>

Курицын В. В круге надцатом // Однако. – 2010. № 15 (31).

Латынина А. «Так смеется маска маске». Борис Акунин и проект «Авторы» // Новый мир. – 2012. № 6.

Наринская А. Таинственный незнакомец // «Коммерсантъ Власть» № 45 от 19.11.2007.

Старобинский Ж. Псевдонимы Стендаля // Старобинский Ж. Поэзия и познание: История литературы и культуры. Т.1. – М., 2002.

Тулчинский Г. Жизнь как проект // Знамя. – 2012. № 1

Черняк М.А. Б. Акунин: Перегрузка образца 2012 года (к вопросу о ревизии ценностей // Культ-товары-XXI: ревизия ценностей (маскультура и ее потребители) / под общ. ред. И.Л. Савкиной, М.А. Черняк, Л.А. Назаровой. – Екатеринбург, 2012.

© Снигирева Т.А., 2014

© Снигирев А.В., 2014